

Мужчина, видя, что отец Е ведёт себя вежливо, фыркнул и выпустил Е Юйфаня из своего двора, но продолжал ворчать:

— У меня завтра должны приехать важные гости. Как вы собираетесь всё исправить? Вы найдёте мастеров сегодня же? Или сами будете красить?

Е Юйфань стоял, опустив голову, его худощавая фигура выглядела жалкой. Мать Е подошла к нему, осмотрела со всех сторон:

— Всё в порядке? Тебя не ударили?

Её слова звучали так, будто мужчина избил её сына. Разумеется, это ещё больше разозлило его. Он посчитал, что родители слишком балуют ребёнка, и с раздражением сказал:

— Ваш сын даже не извинился. У него что, с головой не в порядке? Если он сумасшедший, закройте его дома! Не выпускайте на улицу, чтобы он только пакостил!

— Кто у нас сумасшедший? Повтори! — Отец Е, который до этого извинялся, вдруг взорвался. Он резко сказал:

— Мы уже сказали, что всё компенсируем, стену перекрасим. Что вам ещё нужно? Если ребёнок ошибся, мы его накажем. Но вы не имеете права оскорблять его! Сэр, будьте осторожны в своих словах. Ваши высказывания уже можно считать оскорблением!

Мужчина:

— ...

Дома все трое молчали. Е Юйфань был особенно тихим. Его лицо было бледным, он выглядел потерянным, но всё же молча съел три порции еды...

Он пропустил обед и ужин и был так голоден, что уже едва стоял на ногах.

После ужина Юйфань немного пришёл в себя. Отец Е подозвал его к себе:

— Юйфань, посмотри на меня.

Юйфань сидел, словно в трансе, пока отец не похлопал его по плечу. Тогда он повернулся.

Отец Е спросил:

— Тебе нравится рисовать?

Юйфань выглядел растерянным. Ему нравилось рисовать? Он не знал.

Отец Е:

— Я могу купить тебе кисти, бумагу, краски.

Глаза Юйфаня загорелись:

— Я... могу?

Отец Е:

— Но с одним условием: ты будешь рисовать только дома, не на улице.

Юйфань машинально кивнул:

— Хорошо.

Отец Е спросил дальше:

— Откуда у тебя были краски сегодня?

Юйфань:

— ...

Отец Е:

— Ты заплатил за них?

Юйфань:

— ...

Отец Е нахмурился, достал из кармана сто юаней и сказал:

— Обычно ты просишь всё, что тебе нужно, поэтому мы никогда не давали тебе карманных денег. С сегодняшнего дня я буду давать тебе сто юаней в неделю. Ты сможешь покупать всё, что захочешь. Если не хватит, попроси у меня ещё, ладно?

Юйфань смотрел на деньги в своей руке, а затем тихо спросил:

— Папа, ты не злишься?

Отец Е спросил:

— Почему я должен злиться? Ты украл краски из магазина? Или рисовал на чужой стене?

— Я... — Юйфань не мог ответить, потому что не помнил, как оказался с красками, и как начал рисовать. Его память прыгала от магазина до разгневанного мужчины, и только потом он понял, что произошло.

Отец Е вздохнул:

— Юйфань, если ты понимаешь, что сделал что-то неправильно, просто исправь это в будущем, понятно?

Юйфань почувствовал сильное чувство вины и благодарности. Его сердце сжалось, ладони стали горячими. Рядом с этим человеком, которого он интуитивно чувствовал, но никогда не понимал до конца, он ощущал необъяснимую безопасность, как будто его защищала мощная опора или большое дерево, укрывающее от солнца.

— В будущем я больше так не буду. — Юйфань посмотрел на свою ладонь и едва слышно прошептал.

После того как сын ушёл в свою комнату, мать Е с тревогой спросила:

— И всё? А если он снова...

— Я не знаю, правильно ли я поступил, — отец Е закрыл лицо руками. — Он кажется мне чужим. Когда я с ним разговариваю, я чувствую его растерянность и... его настороженность ко мне. Я просто хочу восстановить наше доверие. Как говорил доктор Чжун, нынешний Юйфань — это не прежний Юйфань. Нам нужно заново познакомиться с ним, а ему — со мной.

Мать Е подала отцу чашку горячего чая:

— Хорошо, что в этот раз Юйфань, даже устроив беспорядок, дал наш номер телефона, чтобы мы могли его «спасти». А если в будущем он не вспомнит? Мы будем сидеть дома и беспокоиться?

Отец Е помолчал, поставил чашку на стол и сказал:

— Лучше положить ему записку. Не забудь написать мой номер телефона.

Мать Е:

— ...

Через несколько дней, в городе Н.

Гэ Циньчжоу проявил фотографии и напечатал их на большом листе бумаги, позвав студентов из своей студии:

— Подходите, посмотрите.

Несколько шестнадцати-семнадцатилетних ребят отложили кисти и подошли.

Один из них подгонял:

— Го Чжэкай, что ты копаешься?

Го Чжэкай, казалось, не слышал зова, сосредоточенно работая над своим холстом.

Гэ Циньчжоу, улыбнувшись, потушил сигарету:

— Пусть работает. Вы смотрите.

На бумаге была напечатана увеличенная фотография настенного рисунка. Белая стена и чёрные чернила создавали резкий контраст. Слева было больше белого, справа — чёрного, образуя два странных круга. Но в правом верхнем углу была заметна белая область, которая выглядела неуместной.

— Что это? — Студенты смотрели на фотографию, но никто не мог понять.

Гэ Циньчжоу объяснил:

— Вчера я был в Нинчэне и случайно увидел этот рисунок. Белая область в углу — это место, где рабочий нанёс белую краску.

— А, так это рабочий нарисовал?

— Нет, когда я фотографировал, рабочий как раз собирался закрасить этот рисунок, — Гэ Циньчжоу затянулся сигаретой и стряхнул пепел. — Говорят, это сделал мальчик, который просто баловался с чернилами.

Все:

— ...

Гэ Циньчжоу продолжил:

— Вы видите, что это?

Студенты переглянулись. Кто-то сказал, что это просто абстрактные формы, кто-то предположил, что это искажённый символ инь-ян, но все догадки казались натянутыми.

В это время Го Чжэкай подошёл. В руках он держал карандаш, все пальцы были запачканы чёрным. Гэ Циньчжоу спросил с улыбкой:

— Чжэкай, а ты как думаешь?

Го Чжэкай посмотрел на рисунок, затем поднял руки и указал на свои виски:

— Это глаза.

Глава 14. За пределами людей

— О? — Гэ Циньчжоу с интересом спросил. — Как ты это увидел?

Го Чжэкай не опустил руки, словно позируя:

— По ощущениям!

— Ха! — Гэ Циньчжоу затушил сигарету в пепельнице, взял кисть, обмакнул её в тушь и несколькими мазками нарисовал пару глаз на бумаге!

— Глаза инь-ян! — воскликнули все.

— Ух ты! Учитель, вы великолепны! — Го Чжэкай буквально облокотился на стол, его лицо было вплотную к рисунку, он был в восторге.

Глаза инь-ян на рисунке не имели отношения к мистическим историям. Это были буквально глаза: левый — обычный человеческий глаз с чёрным зрачком и белком, правый — его инверсия, с белым зрачком на чёрном фоне. Вместе они выглядели мощно, словно глаза, способные различать инь и ян, как в легендах о духах.

Кто-то сказал:

— Учитель, что в этом рисунке особенного? Мы все можем нарисовать что-то похожее, и даже лучше.

Гэ Циньчжоу положил кисть в стакан с водой и сказал:

— А вы бы взяли ведро чернил и пошли разрисовывать чужую стену?

Все:

— ...

Другой студент предположил:

— Может, это перформанс? — Перформанс, в некотором смысле, больше о процессе, чем о результате.

Гэ Циньчжоу посмотрел на него:

— Можно и так сказать, но у вас пока нет понимания перформанса.

— Не только это! — Го Чжэкай всё ещё сидел за столом. — Это не просто перформанс!

Он достал ещё одну копию рисунка, которую Гэ Циньчжоу не успел изменить, и сказал:

— Смотри, стена была высотой два с половиной метра. А он сколько ростом? Выше Чжан Дундуна? — Чжан Дундун был самым высоким студентом в студии, его рост — 184 см.

— Такой большой холст! — Го Чжэкай жестами показал размер. — Как он контролировал композицию? Он же просто разливал чернила, легко потерять форму!

<http://bllate.org/book/16335/1474739>